

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

БАБА ЯГА

18+

Екатерина Шитова

Баба Яга

«Автор»

2023

Шитова Е.

Баба Яга / Е. Шитова — «Автор», 2023

В дремучем лесу, там, куда редко ходят люди, живет горбатая старуха. Ее седые длинные косы свисают до самой земли, а синие глаза сверкают злыми огнями. Старуху зовут Захария, но люди прозвали ее Бабой Ягой. Сложно представить, что когда-то она была обычной женщиной. Что случилось с ней? Что превратило ее в безжалостное чудовище? Никто этого не знает, но с тех самых пор Баба Яга живет в непроходимой чаще. И нет-нет, да и появляется в ее маленькой избушке очередной младенец, которого она, не задумываясь, отправляет в печь...

© Шитова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Шитова

Баба Яга

Глава 1

Наталья бежала по лесу, обливаясь слезами. День был тёплый, тихий и благостный. Птицы перекликались и беззаботно щебетали в кронах густых елей, весенний воздух пах прямой свежестью после ночного дождя. Но Наталье было все равно до того, что творится вокруг. Она размазывала по опухшим щекам солёные слезы и то и дело горестно вздыхала.

К своей груди Наталья прижимала младенца. Это была её дочь Аннушка. Аннушка спала и не слышала ни птичьего щебета, ни всхлипываний матери. Она сосала во сне большой палец и морщила маленькое личико, когда на него попадали солнечные лучи.

Наталья плакала, она чувствовала себя страшно виноватой перед дочкой. То, что она намеревалась сделать с ней сегодня, было ужасным. Но она так долго копила силы, что уже смирилась и настроилась на то, что скоро жизнь её станет легче, ведь она освободит себя от обузы. А обузой для женщины была именно она – девочка, завернутая в пеленку, ее маленькая дочь.

Наталья бежала в лесную чащу, чтобы оставить там Аннушку. Оставить и уйти... Наверное, поэтому ноги ее путались в сухих корнях, колючих сучьях, скользили по влажному мху. Наверное, поэтому кусты и деревья цепляли ее волосы, царапали острыми ветвями лицо и руки. Сама природа предостерегала Наталью от зла, которое она собиралась сотворить.

– Ты прости меня, Аннушка, но так надобно... – прошептала Наталья, прижавшись мокрой щекой к головке девочки, – просто уж сил моих больше нет...

Аннушке было три месяца от роду, но она была такой крошечной, что больше напоминала новорожденную. Девочка появилась на свет раньше срока, да к тому же с нечистой отметиной на лице. Старая повитуха Устина, принимавшая у Натальи роды, испуганно вскрикнула, взглянув в сморщенное личико выродившегося младенца. Нечистая отметина представляла собой большое, темное пятно на щеке девочки. Словно на личико ее случайно капнули чернилами, и от них остался неровный, темный след.

– Ты чего, Устина? Что там с моей девочкой? – спросила Наталья, испуганно глядя на повитуху.

– Отметина у неё, Наталья. Видишь? – старуха повернула к ней ребенка и обвела толстым указательным пальцем темное пятно.

Наталья все еще тяжело дышала, отходя от родовых потуг. В комнате было жарко, но внутри у нее все неприятно похолодело в этот миг.

– А чего это означает? Что за такая отметина, не пойму? – снова спросила она.

– Нечистая отметина, как изъян на теле. Когда ребёнок не таким, как обычно, рождается, а с пятном или с шишкой какой, значит, он меченый нечистой силой. Бывает, что пальцев у ребенка больше или верхняя губа дырявая, зубы в два ряда или вовсе руки-ноги нет.

Старуха склонилась к уху Натальи и зашептала, страшно округлив глаза:

– Было при мне такое, что в соседнем селе двухголовый младенец родился. Тоже меченый был. Да, к счастью, помер сразу. Уж я тогда страху натерпелась!

– И что же мне теперь с ребенком делать, Устина? – едва сдерживая слезы, спросила Наталья.

– Не реви, скажу я тебе, что делать надобно. Теперича в это уж никто не верит, а раньше-то таких младенчиков у нас в деревне сразу в лес несли, да подальше, в самую чащу – туда, где Баба Яга живет. Уносили да и оставляли там.

– Насовсем что ли? – растерянно спросила Наталья.

– Конечно. Баба Яга младенчиков таких в печь кидает, жарит, да ест, косточками не давится.

– Да как же это? Жалко же, – прошептала Наталья, и на глаза ее навернулись слезы.

– А как не жалко? Жалко! Да только ребенок с отметиной – то же самое, что выродившееся зло. А зло лучше отправлять туда, где ему место.

Наталья сжала зубы и шумно вздохнула.

– Дай мне ее, – сказала она, – я в эти глупости верить не собираюсь. Вон у Егора Мельника шесть пальцев на ноге, да что-то его жена не жалуется, что он больно зол и беду приносит!

Повитуха усмехнулась, ее обвисшие морщинистые щеки задрожали.

– Да ты просто про то не знаешь! Егор Мельник всю жизнь хворает, и нога у него с шестью-то пальцами, гниет. Как портянку-то он свою развернет, так и вонь повсюду стоит – страх! Ох, Наталья, куда мир-то катится? Теперича никто в это не верит, а зря...

Устина остановилась на полуслове, замолчала, задумчиво посмотрела на новорожденную девочку и протянула ее Наталье.

– Бойся этого ребёнка, она беду тебе принесёт, и не одну. Если, конечно, выживет. Уж больно мала, – сказала старуха.

Наталья с опаской взяла дочь на руки и стала внимательно рассматривать её красное, опухшее личико. Она была не похожа ни на Наталью, ни на её мужа Акима. Кареглазая, черно-волосая – что-то было в ней чужое, словно не родное. А ещё девочка была до того крошечная, что казалась мягкой и бескостной, и женщина боялась ее прижимать к себе.

– Жми, жми ее пуще к себе. Не бойся, грей своим телом. Ей сейчас тепло нужно, – сказала повитуха и, торопливо собрав с пола грязное тряпье, ушла восвояси.

Следующие два дня Наталья пребывала в странном, подвешенном состоянии – родить родила, а матью себя не чувствовала. А на третий день к ней пришло молоко, грудь налилась, стала тяжелой. И вот тогда, вложив в маленький ротик девочки свой пухлый коричневый сосок, Наталья ощутила, что держит в руках свою дочь, пусть с изъязном, но родную. Девочка, наконец, почувствовав на губах сладость материнского молока, перестала плакать и принялась жадно сосать. И все внутри молодой матери, наконец-то, наполнилось теплом и нежностью.

А через неделю после рождения Аннушки, Акима, мужа Натальи, поймали на воровстве и тут же повязали, отправили под суд. Он толком и не видел свою новорожденную дочь, так как всю неделю где-то пропадал и пьянствовал.

Мужчина и до этого был не надежен и не чист на руку, но никогда прежде на своих нечестных делишках не попадался, а теперь вот попался. Узнав об этом, Наталья искусала губы в кровь, переживая о том, что сейчас ей предстоит одной растить дочку. Женщина рыдала в голос несколько дней, а потом пришла с Аннушкой к старой повитухе Устине и сказала:

– Акима моего в тюрьму отправили. Думаю, это девочка во всем виновата.

– Вот и начались твои беды, Наталья. А я ведь предупреждала тебя! – ахнула Устина, округляя глаза, – неси скорее девчонку в лес, пока следующая беда не случилась.

– Да как нести-то? Она грудная, каждый час титьку просит! Как же я оставлю ее одну в лесу? Кричать ведь будет, – растерянно ответила Наталья.

– Ну и пусть кричит. Что ж теперь, вечно из-за неё страдать? Ведь ты молодая ещё! – возмущенно воскликнула повитуха, уперев кулаки в толстые бока, – не ты виновата в том, что она такая родилась!

Наталья и тогда не понесла дочку в лес, снова пожалела ее. Но спокойствия в её душе не было. Каждый день она думала о том, что надо все-таки было сделать так, как велела Устина. Во всех неудачах и мелких неурядицах она винила дочь. И, как назло, эти неудачи сыпались на Наталью одна за другой.

А потом к Наталье пришла настоящая беда – у нее сгорел дом. Переночевав первую ночь после пожара в бане, она решила отнести Аннушку в лес, как учила Устина. Вот только никак не могла собраться с духом.

– Это ж какое холодное сердце нужно иметь, чтобы родное дитя оставить в лесу? – то и дело вслух спрашивала саму себя Наталья, глядя в маленькое лицо дочери.

Но в своей голове она уже не раз прокручивала то, как оставляет Аннушку в лесной чаще совершенно одну и уходит прочь, не оглянувшись. Поначалу эти мысли так сильно пугали её, что она гнала их от себя. Но постепенно она все больше и больше свыкалась с ними, и в конце концов, они стали привычными.

От осознания того, что она все-таки может оставить дочь в лесу, Наталье становилось стыдно. Тяжелый груз вины давил на плечи. В какой-то момент женщине стало казаться, что она сходит с ума. Запутавшись в паутине собственных противоречивых мыслей, устав от бесконечных сомнений и безутешных страданий, пребывая в тоскливом одиночестве маленькой, темной бани, она начала пить.

Сначала жгучий, пробирающий до слез, самогон, бодрил и приносил облегчение, страдания и боль отходили на второй план. Но эффект был временным, и с каждым днем количество выпиваемых рюмок увеличивалось. Очень скоро Наталья стала напиваться до беспамятства. Она просыпалась утром с чугунной головой и с огромным чувством стыда. Но стыд этот улетучивался уже к обеду, тогда на столе снова появлялась бутылка с мутной, остро пахнущей жидкостью, и все начиналось снова.

Наталья перестала следить за тем, чистая ли Аннушка, не пора ли сменить пеленки, она часто забывала ее покормить. А когда в один из дней, проснувшись утром на полу с ужасным похмельем, Наталья увидела девочку, лежащую на ледяном полу рядом с ней – голую, грязную, худую и побелевшую от холода, ей стало так мучительно стыдно перед ней, что глаза защипало от подступающих слез.

Она снова пришла к повитухе Устине.

– Вижу, после пожара-то к тебе очередная беда привязалась, – проговорила старуха, внимательно глядя на Наталью.

– Откуда знаешь? На селе уже болтают что ли?

Устина покачала головой, хитро прищурилась.

– От тебя, Наталья, такой дух идет, который ни с чем не спутать!

Наталья опустила голову.

– Ты права, Устина, беда это. И я никак с ней справиться не могу. Утром так плохо, думаю – все, хватит! А вечером уже снова пьяная.

Устина подошла к Наталье ближе и заглянула в лицо Аннушки, спящей у нее на руках.

– А чего удивляться? Коли ты своими руками к себе зло прижимаешь! – тихо, чтобы не разбудить девочку, сказала повитуха, – пятно-то у нее все чернее и чернее.

Наталья это тоже заметила – нечистая отметина на щеке девочки как будто ещё больше выросла и потемнела. Поэтому она никуда не ходила с дочкой, гуляла с ней лишь вокруг дома. Ей не хотелось, чтобы все перемывали ее дочери косточки. Хотя бабы уже и так шептались и показывали пальцем в ее сторону. В деревне невозможно иметь секреты, так или иначе, все кругом обо всем узнают.

– Я решила, Устина, – тихо проговорила Наталья, – отнесу Аннушку в лес. Прямо сегодня отнесу. Прямо сейчас. Не могу больше. Все у меня с ней не так.

Старуха ободряюще похлопала Наталью по спине.

– Вот и хорошо! Вот и умница. Наконец-то дотумкала. Нечего себе жизнь портить, ты молодая, нарожаешь еще детей! – воскликнула она.

– Да, наверное, ты права, – задумчиво сказала Наталья.

– Раз решилась все-таки, то иди, не медли!

Устина подтолкнула женщину к калитке. Наталья тяжело вздохнула, развернулась и медленно побрела со двора Устины к лесу, мрачно темнеющему вдалеке. Чем дальше она отходила от деревни, тем быстрее становился ее шаг. А когда она вошла в лес, то и вовсе перешла на бег. Наталья рыдала, дав волю слезам – здесь ее никто не увидит, не осудит. Лес стерпит все.

– Ты прости меня, Аннушка. Но так надобно... – то и дело повторяла Наталья.

Она бежала вперед, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, тяжело дыша. И вот, добравшись до чащи, куда почти не проникал солнечный свет, она в последний раз взглянула в личико Аннушки, а потом положила свёрток с ребёнком на землю, резко развернулась и, не оглядываясь, пошла прочь.

Какое-то время девочка спала, лежа на мягком ковре из мха, туго укутанная в пеленку. А потом она проснулась, закричала, завозилась внутри своего кокона. И вскоре звонкий младенческий крик разнесся по лесу. Девочка плакала, отчаянно и громко, зазывая голосом мать, которая может перепеленать её в чистую пеленку, согреть у груди и напоить молоком.

Девочка плакала, и лес тревожно шумел.

Девочка плакала, и птицы испуганно вскрикивали, взлетали с насиженных гнезд.

Девочка плакала, и небо темнело, предвещая близкую грозу. И вот уже первые раскаты весеннего грома пронесли над лесом, заставив содрогнуться и задрожать вековые ели.

А девочка все плакала и плакала, чувствуя предательство матери...

И тут из-за деревьев появилась темная, сгорбленная фигура. Старуха, хромяя, медленно подошла к кричащей девочке и долго смотрела на нее, склонив голову набок. Ее длинные седые волосы были заплетены в две тугие косы, свисающие до самой земли, а лицо скрывал большой темный капюшон.

Не говоря ни слова, старуха подняла девочку с земли, прижала к своей впалой груди и понесла ее в темную глубину леса...

Глава 2

На улице буйствовала весенняя гроза, а внутри маленькой бревенчатой избушки было жарко, пахло печным дымом и сухими травами, которые были развешены по стенам. По центру избы стояла большая русская печь, в которой потрескивали поленья. На печи горой возвышались подушки, прикрытые сверху ярким лоскутным одеялом.

В избушке было всего одно маленькое оконце, которое почти не пропускало свет, отчего внутри царил полумрак. У окна стоял деревянный стол с двумя широкими лавками по бокам. Другой мебели не было, да она и не поместилась бы здесь.

Когда низкая дверь распахнулась, впустив внутрь порыв ветра, с печи сразу же спрыгнул большой черный кот. Он выгнул спину дугой, потягиваясь, широко зевнул и громко мяукнул хриплым голосом.

– Брысь, Уголек!

Горбатая старуха с длинными косами строго взглянула на кота и повесила свою промокшую насквозь накидку на ржавый гвоздь, торчащий возле двери.

Старуху звали Захария. Она была такой старой, что ее уже клонило к низу, отчего на спине ее рос большой, безобразный горб. Остановившись у топящейся печи, Захария склонила голову к свертку, который держала в руках и понюхала спящего ребенка. Её некрасивое, бородавчатое лицо с огромным горбатым носом и тонкими, как нитки, губами стало напряженным и суровым. Седые брови нахмурились, желваки, обтянутые тонкой морщинистой кожей, заходили ходуном.

Положив сверток на деревянный стол, она небрежными движениями развернула пеленку. Крохотная девочка, проснувшись и почувствовав свободу, засемила ножками, взмахнула ручками и, испугавшись незнакомой, страшной старухи, склонившейся над ней, громко закричала.

Захария покачала головой, облизнула кривой указательный палец и дотронулась им до темного пятна на щеке ребенка. Быстро отдернув палец, она нахмурилась еще сильнее. Потом она села на лавку и задумалась, почесывая свою седую голову.

Девочка кричала, но Захария будто не слышала ее душераздирающего крика. Ее лицо, покрытое глубокими морщинами, было серьезным и напряженным. Она уставилась в деревянную стену перед собой, но, казалось, смотрела сквозь нее, при этом глаза ее из прозрачно-голубых стали темно-синими. Удивительно, но цвет глаз этой древней старухи был ярким и глубоким, как у молодой девушки.

Захария поправила седые косы, лежащие на груди, поднялась с лавки и сняла со стены несколько пучков сухой травы. Девочка продолжала громко кричать, и старуха недовольно махнула на нее рукой.

– Ах ты, поганка! Помолчала бы лучше! – низким, хриплым голосом проговорила она.

Потом она положила травы в деревянную ступку, залила их темным маслом, взяла горсть соли, пошептала на нее несколько неразборчивых слов и бросила соль в ступку. После этого она начала яростно толочь траву, без конца бормоча что-то себе под нос. Натерев получившейся пряной смесью красное от напряжения тельце кричащей девочки, Захария положила её на пеленку и, наклонившись, достала из-под стола кадушку с ржаным тестом, которое уже ползло через край.

Черный кот, сидящий на лавке, внимательно смотрел на все происходящее янтарно-желтыми глазами и время от времени мяукал, но старуха не обращала на него внимания. Помяв тесто руками, она вынула его из кадушки и положила на другой конец стола, обильно присыпав мукой. Раскатав тесто ровным кругом, она положила по центру ребенка и быстрыми, умелыми

движениями завернула девочку в тесто, оставив свободными лишь рот и нос. Все это время она шептала себе под нос заклинания.

Завернутого в тесто ребенка старуха положила на широкую лопату для хлеба, затем открыла печную заслонку и брызнула в печь водой. Внутри все зашипело, и в избу из печного зева повалил влажный, горячий пар. Сдвинув раскаленные угли в сторону, старуха проговорила:

– Дыши пуще жаром, печка-матушка. Мне девочку нынче испечь нужно.

После этих слов Захария поставила лопату с лежащим на ней ребёнком в печь и, выждав с полминуты, вынула лопату обратно.

– Пекись-пекись, да не перепекись, – хриплым голосом проговорила старуха и облизнула пересохшие губы.

Тесто, в которое была завернута девочка, зарумянилось, покрылось тонкой корочкой. Захария наклонилась, принюхалась, покачала головой и снова сунула лопату в печь.

– Пекись-пекись, да не перепекись. Корка налейся золота да румяна, а начинка получишь сочна да жирна.

Сказав так, старуха вновь вынула из печи лопату. Отщипнув горячее тесто, она попробовала его на вкус и, сморщившись, сплюнула на пол.

Когда она, задержав дыхание и сжав зубы, в третий раз сунула ребёнка в печь, то печь вдруг затряслась, из неё посыпались искры, вся избушка заходила ходуном. Стол и лавки закрипели, зашатались, табурет отлетел к низкой двери и глухо стукнулся об нее, пучки трав с сухим шелестом посыпались на пол со стен и с потолка. А потом из печи, из ее широкого темного зева, послышался гортанный низкий голос:

– Захария, опять дитя печешь?

Голос звучал жутко, старуха затряслась всем телом, но лопату из рук не выпустила, держала крепко.

– Опять пеку, – ответила она тихим, уверенным голосом.

– Пеки-пеки! Да вспоминай, за что наказана!

В уголках глаз старухи задрожали две прозрачные слезинки. Они покатались по щекам и капнули на седые косы, свисающие до пола.

– Помню-помню, как забыть-то? – тихо проговорила она, сжав рукоять лопаты так крепко, что кривые пальцы побелели от напряжения.

Внутри печи снова что-то вспыхнуло, тлеющие угли вдруг загорелись алым огнем и стали со всех сторон лизать ребенка, обернутого в тесто. Захария услышала детский крик, но не вынула лопаты из печи. Только когда крики стихли, а пламя потухло, она достала лопату и поставила ее на стол. С красным, потным лицом старуха подошла к столу, отломив кусочек теста и положила в рот. Прожевав, она проглотила тесто и сказала, обернувшись к печи:

– Хорошо пропеклась девочка. Спасибо тебе, печка-матушка!

Накрыв тесто полотенцем, Захария села на лавку и затянула песню. Голос ее звучал тоскливо, в глазах застыла беспросветная тоска.

Ой, лю-лю,

Моё дитяtko,

Спи-тко, усни.

Да покрепче засытай.

Засытай, засытай, глаз не открывай.

Все ласточки спят,

И касаточки спят,

Куницы все спят,

И лисицы все спят,

Все тебе, дитяtko,

*Спать велят.
Засытай, засытай, глаз не открывай.
Для чего, зачем
Дитятку спать?
Чтобы хворь твоя припеченная,
Злоба злобная, горечь горькая
Вся ушла из тебя...*

Голос старухи звучал на удивление мелодично, песня лилась, струилась по воздуху, словно мягкая атласная лента. Тихие слова взмывали вверх, к потолку и звенели там маленькими колокольчиками...

Наталья снова шла к повитухе Устине. Дойдя до ее дома, она остановилась, перевела дыхание и принялась громко стучать в дверь. Старуха, отпирая засов, хотела отругать Наталью за поднятый шум, но, увидев бледное, заплаканное лицо женщины, ничего не сказала ей, а молча запустила в дом.

– Ну, что тебе еще надобно, Наталья? Тороплюсь я! – нетерпеливо сказала Устина.

– Прибежала я... Хотела ее назад забрать. А там пусто! Нету уже никого! – выпалила Наталья, уставившись дикими глазами на Устину.

– Ну-ка успокойся, да расскажи все по-путному, не тараторя! – строго сказала повитуха и усадила Наталью на лавку в сенях.

– Я утром за Аннушкой пошла в лес... Вчера хотела, да гроза всю ночь бушевала. Пришла я, значит, сегодня в чашу, но не нашла ее, – Наталья всхлипнула и прижала ладонь к дрожащим губам, – нет Аннушки в лесу ни мертвой, ни живой...

Устина недовольно закатила глаза, отвернулась от несчастной женщины.

– Значит, Баба Яга ее уже забрала, – спокойно и строго ответила она, – и зачем ты только снова пошла туда, непутевая?

– Плохо мне, Устина, – завывала женщина, обдав повитуху терпким запахом перегара, – ой, плохо! Ни есть, ни спать не могу!

– Ничего, время придет – успокоишься, – сказала Устина и подтолкнула Наталью к двери, – иди, Наталья, иди! Мне к роженице бежать надо, я и так задержалась, поди как разродится без меня! Не видать мне тогда ни соли, ни муки.

Наталья со скорбным видом вышла за калитку и поплелась, шатаясь, по улице. Придя в свою баню, она достала из-под лавки бутылку самогона и отпила несколько больших глотков прямо из горла.

Спустя какое-то время, женщина поднялась с лавки, посмотрела вокруг мутным, пьяным взглядом, схватила топор и снова пошла в лес – к той самой темной, непроходимой чаще, где накануне оставила Аннушку. Дойдя до места, Наталья закричала:

– Эй, Баба Яга! Выходи!

Крик многоголосым эхом разнесся над густым темным лесом, запутался в туго переплетенных еловых ветвях.

– Выходи! Я знаю, что ты где-то здесь! Отдай мне мою дочку! – снова прокричала женщина, достала из-за пазухи бутылку с самогоном и отхлебнула из горла для храбрости.

День был солнечный и жаркий, но в чаще было темно и прохладно, и Наталья дрожала мелкой дрожью не то от холода, не то от страха. Никто не откликнулся на ее зов. Наталья долго бродила по чаще и кричала, задирая голову вверх. Перед глазами у нее все кружилось от выпитого самогона и ярости, которая переполняла душу. И в конце концов, она упала на мягкий мох. Глаза ее стали мутными, стеклянными, из уголка рта к земле потянулась ниточка слюны.

– Проклятая людоедка! – устало выговорила она заплетающимся языком.

И тут возле нее, откуда ни возьмись, появилась страшная горбатая старуха с длинным носом и седыми косами, свисающими до самой земли.

– Баба Яга? Ты?

Наталья встrepенулась, села, пытаясь сфокусировать на старухе пьяный взгляд. Старуха медленно подошла к женщине и коснулась указательным пальцем ее лба. Наталью словно пронзило насквозь чем-то острым.

– Что ты сделала с моей дочерью, старая ведьма? – зло проговорила Наталья, отодвигаясь подальше от старухи и нащупывая рядом с собой рукоять топора.

– Так это ты оставила вчера грудного младенца в лесу? – спросила старуха, и взгляд ее стал темным, строгим.

– Я... Я оставила здесь свою дочь. На этом самом месте, – Наталья указала рукой в сторону.

– Для чего же ты оставила своего малого ребенка в лесу? – снова спросила Захария, склонив голову набок.

Наталья прижала к себе топор, его острое лезвие неприятно холодило ей грудь, но так ей было гораздо спокойнее. Один вид старухи внушал ей ужас.

– Она у меня дурная родилась. Нечистая отметина у неё на лице, беду она приносит.

– Никакая это не отметина, а родимое пятно, просто большое, – тихо ответила Захария, – большой огонь ты, вероятно, беременная видала, вот и выскочило у ребёнка пятно на лице.

– Огонь? Ну, видала... – растерянно выдохнула Наталья, – у Фомы сарай горел, сено пылало, думали, на наши дома огонь перекинется, больно ветрено тогда было...

Захария кивнула головой, не сводя глаз с Натальи.

– Почему же тогда, как она родилась, у меня все наперекосяк пошло? Мужа в тюрьму сослали, потом дом сгорел... Это она ко мне беду притягивает.

– Это не девочка беду тянет, ты сама ее к себе тянешь, а на нее сваливаешь, – хрипло проговорила старуха, глядя в сторону.

– Ну так отдай мне ее! Я за ней пришла. Жалко мне ее стало. Это ведь ты ее забрала? – всхлипнула Наталья, медленно поднимаясь на ноги.

– А вчера не жалко было? – ехидным голосом спросила старуха.

– Вчера я пьяная была, – тихо ответила Наталья и покраснела от стыда.

Женщина встала напротив Бабы Яги, пошатываясь из стороны в сторону. Взгляд ее был все еще мутным от выпитого самогона, но при этом умоляющим, полным раскаяния. Захария спокойно и внимательно осматривала Наталью. Из-за пазухи у женщины торчало узкое горлышко бутылки, в руке она сжимала топор. Старуха не боялась ее.

– Давно ли ты в плену у самогонки? – спокойно спросила она.

Наталья, не ожидая такого вопроса, покраснела еще сильнее, схватила бутылку и отбросила ее в сторону. Мутная жидкость расплескалась по земле, и воздух вокруг наполнился кислой вонью.

– Это я просто с горя выпила, – торопливо ответила женщина.

– По глазам вижу, что брешешь! – грозно сказала старуха, а потом добавила, – Ступай-ка отсюда подобру-поздорову. Не отдам я тебе девочку.

– Как это не отдашь? – возмущенно воскликнула Наталья.

– А вот так, раньше надо было думать.

– Видишь же, я повинилась перед тобой, и перед ней повинюсь! – взмолилась женщина. Старуха взглянула на Наталью в глаза и усмехнулась недобро.

– Уходи. Некого мне больше отдавать. Изжарила я её и съела.

Сказав так, старуха замерла, наблюдая за тем, как Наталья медленно опускается на землю. Потом она развернулась и скрылась между деревьями, оставляя Наталью один на один с бедой, которую она сотворила собственными руками...

Глава 3

Двадцать лет спустя

Девушка шла по лесу с плетёной корзинкой в руке и напевала себе под нос, шурясь от яркого света. Солнце проникало в просветы густых елей, ласково гладило румяные девичьи щеки, заставляло блестеть густые, черные волосы, заплетенные в две тугие косы. Девушка пела и улыбалась.

Лес раскачивался и скрипел в такт нежному, тонкому голосу, птицы перекликались между собой в густых кронах. Природа вокруг была полна спокойствия и умиротворения. Но вдруг где-то неподалеку, в полумраке лесной чащи, послышался крик. Песня оборвалась на полуслове, девушка остановилась, замерла, прислушиваясь и оглядываясь по сторонам.

– Ау! – повторился крик.

Кричал мужчина, и в голосе его звучало отчаяние.

– Ау! Помогите! Я заблудился!

Девушка поставила корзинку на землю и, бесшумно ступая босыми ногами по колючему ковру из опавшей хвои, стала пробираться туда, откуда доносился голос.

– Ау! Помогите мне! – крик слышался все ближе.

Вскоре она увидела юношу, сидящего на земле. Он был бледный и растерянный, видимо, и вправду, давно плутал по лесу. Юноша был высок, светловолос и хорош собою, это девушка тоже сразу заметила, и ее юное, пылкое сердце затрепетало, на щеках выступил стыдливый румянец.

– Леший тебя запутал, что ли? – спросила она, выходя из своего укрытия.

Юноша вздрогнул от неожиданности, удивлённо уставился на девушку. Сначала он испугался ее вида – лицо девушки уродовало темное пятно, как будто она обмазала одну щеку глиной.

– Ну, чего молчишь? – строго спросила странная незнакомка.

– Эка невидаль – увидеть девушку в непроходимой чаще, – неуверенно проговорил он, – Ты мне от усталости привиделась, или, может, ты дух лесной?

Юноша смотрел на девушку настороженно, и казалось, боялся пошевелиться. Вдруг она тут же растает в воздухе? На ней было длинное светлое платье, что ещё сильнее делало её похожей на бестелесный призрак. Внезапно девушка широко улыбнулась и подошла к нему ближе.

– Я не призрак и не бестелесный дух, – сказала она.

Услышав нежный, тонкий голос, юноша осмелел и снова спросил:

– И кто же ты? Как звать тебя?

– Я Юлия, – ответила девушка, – я живу в этом лесу. Если ты заблудился, я могу помочь – проведу тебя короткой дорогой к деревне, мне леший не страшен, я от него наговор знаю.

– Спасибо! Буду обязан тебе жизнью! – радостно ответил он, чувствуя, как в обессиленное тело возвращаются силы от осознания того, что он сумеет все-таки добраться до дома, – меня, кстати, Егором звать.

– Тогда пойдем, Егор! – сказала девушка.

– Имя у тебя необычное, я таких не слышал, – сказал Егор, поднимаясь с земли.

– Ничего необычного, просто я в июле родилась, – ответила девушка, улыбнулась, а потом поманила юношу рукой, чтобы он следовал за ней.

Лицо Егора вновь расплылось в счастливой улыбке. Он без раздумий пошел следом за девушкой, радуясь тому, что в дремучем, темном, недружелюбном лесу так неожиданно нашлась для него спасительница. Как будто колдовство какое!

– Значит, ты хорошо знаешь лес? – спросил Егор, не сводя глаз со спины девушки.

Она обернулась вполоборота и ответила, краснея:

– Как свои пять пальцев! Я здесь выросла. Лес – мой дом. Я тут каждое дерево знаю.

Июлия и сама была стройной и тонкой, как молодое деревце. Волосы ее были черными, как ночь. Глаза карими, блестящими каплями сияли на лице, покрытом золотистым загаром. Алые губы, густые брови, длинные ресницы – все было в ней прекрасно, за исключением безобразного пятна на щеке.

– А я-то думал в лесах только нечисть живет, Баба Яга... А тут, оказывается, еще и прекрасных девушек можно встретить! – попытался пошутить Егор.

Июлия смутилась, зарделась, словно алая заря, и прибавила шаг. Егор теперь едва поспевал за ней.

– Неужели ты одна здесь живешь? – спросил юноша.

– Нет, не одна. С бабушкой, – откликнулась Июлия.

– Кто же твоя бабушка? Уж не Баба ли Яга, скрывающая тебя от людей?

Июлия обернулась, взгляд ее стал строгим и укоризненным.

– Моя бабушка очень добрая, – серьезно ответила она, – И вовсе она не Баба Яга, она знахарка. А в лесу живет, потому что природу очень любит.

– Прости, если обидел! – сказал Егор, и в глазах его мелькнуло искреннее раскаяние, – просто у нас всегда детей Бабой Ягой, живущей в дремучем лесу, пугают. А чтоб тут знахарки какие-то жили – о таком я не слыхал.

Какое-то время они шли молча, но потом парень засмотрелся по сторонам, споткнулся о сухую корягу и во время падения поранил ногу. Из раны потекла кровь.

– Не переживай, просто царапина! – махнул он рукой.

Но Июлия уже присела возле него и принялась осматривать рану. Развязав мешочек, висевший на кожаном поясе, она достала оттуда сухой листочек, пожевала его и, сплюнув кашицу на ладонь, аккуратно размазала ее по ране. Кровь тут же остановилась. Июлия достала второй сухой лист и, прижав его к ране, обмотала этот самодельный компресс вокруг ноги веревкой. Голова ее при этом был так близко к лицу Егора, что он почувствовал едва уловимый аромат душицы, которой пахли ее волосы.

– Как дойдешь до дома, убери все с раны. Только водой не смывай, просто стряхни. Все само затянется к утру, – сказала она.

– Ты, значит, тоже знахарка? – спросил Егор, восторженно глядя на девушку.

– Я не знахарка, но кое-что знаю о травах, бабушка научила, – скромно ответила она, помогая ему подняться.

Когда они дошли до тропинки, ведущей в деревню, Июлия остановилась и сказала на прощание:

– Не заходи впредь так далеко, если не знаешь леса. Леший любит таких, как ты, кругами водить. Ему – смех, а тебе – смерть.

Егор послушно кивнул. Он смотрел в лицо Июлии, и понимал, что не хочет уходить. Было что-то загадочное и притягательное в скромной лесной красавице. Сердце Егора забилось в груди, когда она, перекинув длинные косы за спину, улыбнулась ему. Он подошел к девушке, взял ее за руку и сказал:

– Спасибо тебе, лесная знахарка Июлия! Ты мне, считай, жизнь спасла. Век твоей доброты не забуду.

Июлия снова покраснела от смущения, она никогда раньше не общалась с мужчинами, тем более, так близко, да к тому же, держась за руки. Лестные слова Егора, его восторженные взгляды, то и дело заставляли трепетать девичье сердце, давно готовое к чувствам. Егор помолчал немного, а потом спросил, заглянув Июлии в глаза:

– Можно мне увидеть тебя еще хотя бы раз? Разрешишь?

Июлия высвободила свою руку и, взмахнув косами, торопливо пошла назад в лес. Улыбка медленно сползла с лица юноши. Лицо его стало разочарованным.

– Июлия! Я хочу снова увидеть тебя! – закричал он.

Какое-то время Июлия шла вперед, словно не слышала слов Егора. Но потом, обернувшись, она крикнула:

– Буду ждать тебя послезавтра на том же месте! Если снова не заплутаешь в лесу, пока идёшь, то непременно увидишь меня!

После этого девушка звонко рассмеялась и побежала в лес, ловко перепрыгивая кочки и старые трухлявые пни. Егор смотрел, как черные косы девушки мелькают в высокой траве и улыбался.

Подойдя к избушке, Июлия оглянулась по сторонам. Ни на крылечке, ни в огороде за избушкой никого не было. К Июлии подошел черный кот и начал ласково тереться об ее ноги, подняв хвост трубой.

– Уголек, хороший мой! – девушка присела к коту и принялась чесать его за ухом, – а где же наша бабушка?

Кот мурлыкал в ответ, ходил вокруг молодой хозяйки.

– Июлия! – вдруг раздался за спиной девушки резкий старческий голос.

Девушка обернулась и расплылась в улыбке.

– Бабушка Захария! Не представляешь, что со мной сегодня приключилось!

Девушка выскочила навстречу дряхлой, сгорбленной старухе, вышедшей из леса, взяла из её рук корзину с травами и, поставив ее на крыльцо, вернулась и помогла старухе дойти до широкого пня.

– Садись, бабушка. Вынести тебе попить? – заботливо спросила Июлия.

– Нет, не хочу. Лучше присядь рядышком, да расскажи, чего хотела.

Июлия села на соседний пенёк, посадила чёрного кота к себе на колени и заговорила:

– Иду я по лесу, собираю грибы, и вдруг слышу – кричит кто-то. Я ведь помню, что ты меня учила к людям не выходить. Мало ли с какими они помыслами! Но тут уж больно жалостливый был зов. Посмотрела я сквозь деревья, а там парень – с виду безобидный, но весь худой, растрепанный, как будто несколько дней по лесу бродил.

Старуха сжала губы и нахмурила брови.

– Я знаю-знаю, бабушка Захария, что ослушалась твоего наказа. Не гнепись! – торопливо воскликнула Июлия, – Все хорошо обошлось. Паренёк этот в чаще заблудился и путь назад, к деревне своей, никак не мог отыскать. Он не злой оказался, очень даже добрый.

– Июлия! – рявкнула старуха.

Девушка вздрогнула, замолчала, глядя на покрытое морщинами и бородавками лицо старухи.

– Я много раз говорила тебе что при встрече с людьми надо быть осторожной. Вот с чего ты взяла, что он добрый был?

Июлия пожалала плечами и, подняв лицо к небу, улыбнулась.

– Не знаю, по глазам, наверное, прочитала.

– По глазам? Ну-ну! – ворчливо отозвалась старуха.

Она встала и, прихрамывая, подошла к девушке, погладила её по волосам..

– Иди, приготовь мне травяной чай. Устала с дороги, – вздохнув, сказала Захария.

Когда девушка скрылась в избушке, Захария снова вздохнула, на этот раз в ее вздохе послышалась тоска.

– Эх, поганка моя. Неужели все? Даже жалко тебя, – пробормотала старуха, глядя на дверь избушки, которую только что притворила за собой Июлия.

Захария развела огонь в очаге, плеснула в котелок ключевой воды из ведра и повесила котелок на огонь.

– Вода-водица, земли провидица,
покажи, что будет, раскрой времени тайны.
Губы свои на замок сомкну,
что увижу – не скажу.

Прошептав заклинанье, старуха низко склонилась над котелком и стала пристально смотреть в воду. Через какое-то время вода забурлила, и Захария, отпрянув, сурово сдвинула брови. Сняв котелок с огня, она резким движением выплеснула кипяток на землю.

– Ну вот, значит, и вправду, пришло твое времечко, Июлия, – прошептала Захария и с мрачным лицом поковыляла к избушке.

Чёрный кот, который все это время наблюдал за старой хозяйкой, сидя на широком пне, прыгнул на землю и пошёл следом за ней.

– Я рада, что ты запомнил путь и пришел.

Парень и девушка стояли друг напротив друга на лесной поляне. Птицы не пели, прячась в кустах от летней жары, в лесу было тихо, спокойно. Июлия улыбнулась Егору, и лицо ее словно озарило светом. Юноша смотрел на нее и любовался.

Июлия не была похожа на девушек, с которыми он в шутку женихался в деревне. Она была скромная, но при этом сильная духом, она не училась грамоте, но была умна. Июлия не носила цветастых платков и алых лент в косах, но и без всего этого она была яркой. А еще Июлия не думала о том, что о ней подумают другие. Ведь в лесу не было "других", были только она и ее бабушка. Поэтому девушка вела себя с ним естественно и не жеманилась, как деревенские девушки.

Все это Егор понял, пока они гуляли по лесу. Он был очарован лесной красавицей. Что до ее изъяна – темного пятна на лице, скоро он перестал его замечать. А сама Июлия была так сильно очарована юношей и его рассказами о деревне, что ей захотелось как можно скорее там побывать, прикоснуться к его миру.

– А ты приходи на вечерку, туда все деревенские парни и девки ходят. Весело у нас бывает – пляшем, поем, шутки шутим.

– Я бы пришла, да меня бабушка не отпустит, – с грустью в голосе ответила Июлия.

– Почему? – искренне удивился Егор.

Июлия отвела глаза в сторону, вздохнула печально.

– Не любит бабушка людей, и меня от них уберечь хочет.

– Я с тобой рядом буду, Июлия. Поверь, ничего плохого с тобой в деревне не случится.

Юноша подошел к девушке ближе и аккуратно убрал с ее лица темную прядь, выбившуюся из косы.

– Я тебя от любой беды уберегу, – тихо сказал он.

– Правда? – спросила она, глядя на него.

– Правда.

Наклонившись к лицу Июлии, Егор собирался поцеловать ее, но она отпрянула от него и воскликнула:

– Вот глупая! Как же мне на вечерку-то идти? Я ведь и плясать не умею!

Егор рассмеялся.

– Это не беда. Топотуху можно за пять минут освоить. Смотри на меня!

И парень стал топтаться и подпрыгивать на месте, а потом схватил Июлию под руку и закружил ее по лесной поляне.

Июлия смеялась, запрокинув голову, и смотрела на Егора снизу вверх счастливым взглядом. Он был очень красивым – светлые волосы, бледно-рыжие веснушки по всему лицу, кур-

носый нос. У нее перехватило дыхание и закружилась голова от его близости и мужской силы, так не похожей на ее женскую силу.

Июлия перестала смеяться и снова смутилась и покраснела до корней волос. Егор, заметив ее смущение, остановился, взял ее за руку.

– Ослушайся бабушку хоть раз, приходи в пятницу на вечерку?

Июлия вдруг дерзко вскинула голову, в ее темных глазах сверкнули яркие огни.

– Приду! – голос ее прозвучал слишком громко, пролетел эхом по чаще.

Где-то рядом из кустов, напуганная шумом, вспорхнула большая птица. Июлия и Егор вздрогнули от неожиданности и засмеялись разом. Звонкие, молодые голоса наполнили лес жизнью и ощущением близкого счастья. Егор и Июлия смотрели друг другу в глаза, и оба чувствовали те незримые, обжигающие искры, что летели от их горящих сердец во все стороны.

Июлия не сказала Захарии о том, что Егор позвал ее в деревню на вечерку. Бабушка все равно запретила бы ей идти, а ей уж очень хотелось туда сходить. Молодость не дает жить спокойно, она каждый день сподвигает на что-то новое, неизведанное – новые дороги, новые знакомства, новые чувства. Поход в деревню представлялся Июлии огромным приключением, а сама вечерка – важнейшим в ее жизни празднеством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.